Ruská literatura: setkání a konfrontace

Ivo Pospíšil

MASARYKOVA
UNIVERZITA

Ruská literatura: setkání a konfrontace

Ivo Pospíšil

MUNI
PRESS

RUSKÁ LITERATURA:

setkání a konfrontace

Ivo Pospíšil

Masarykova univerzita

Brno 2020

Recenzovali:
prof. PhDr. Viera Žemberová, CSc.
prof. Natália Muránska, PhD.

Tento výstup vznikl na Masarykově univerzitě v rámci projektu Slavistická badatelská dílna číslo MUNI/A/0900/2019 podpořeného z prostředků účelové podpory na specifický vysokoškolský výzkum, kterou poskytlo MŠMT v roce 2020.

© 2020 Masarykova univerzita
© 2020 Ivo Pospíšil

ISBN 978-80-210-9616-5
ISBN 978-80-210-9615-8 (brožováno)

Obsah

Několik autorových vět na počátek 7

П. Й. Шафарик, А. Мицкевич и концепция русской литературы:
у колыбели литературоведческой славистики 11

Перешагнуть порог эпох.
Николай М. Карамзин и его позиция зачинателя 23

Проблема «иностранцев» в русской литературе
и русско-польский литератор Tadeusz Bułharyn / Фаддей Булгарин:
черты новизны 29

Драма в преддверии символистских веяний — А. Грибоедов,
А. Островский и их чешские отголоски 41

Чешский Лесков и его моравский переводчик 49

Лесков и теория романа 59

Федор Михаилович Достоевский — проклятые вопросы его наследия .. 65

Maxim Gorkij: vynořování epoch z hlubin zapomnění 77

Tři listy o sovětské literatuře Alfreda Ljudvigoviče Bema: ruský fenomén
a střední Evropa 85

Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a česko-slovenský
vztah 95

Валентин Распутин глазами чехов (Портрет и вокруг: несколько
штрихов) 105

Советские журнальные дискуссии конца 60-х и начала 70-х гг.
XX века как признак времени 113

Жанровые поиски в произведениях А. Солженицына 123

Аксиологический феномен в «неисторическом романе»
Евгения Водолазкина *Лавр* 131

Malá reflexe k vývoji české literárněvědné rusistiky 141

Ярослав Буриан (15 сентября 1922 Брно – 7 июля 1980 Париж) —
чешский русист на грани эпох: неизбежность третьего пути 155

Проблема структуры, функции и использования литературоведческих терминов: по следам собственных попыток 165

Франк Воллман и его полемики о панславизме 171

Универсальный характер русской литературы в стадиальном освещении в перипетиях XIX–XXI веков (несколько заметок) 185

Ediční poznámka 199

Russian Literature: Encounters and Confrontations. Summary 203

Výběrová bibliografie 209

Popisky k obrázkům 225

Obrazová příloha 226

Několik autorových vět na počátek

Předkládaný svazek nahlížející ruskou literaturu ve vztahových a srovnávacích souvislostech, tedy komparativně a komparatisticky, bezprostředně navazuje na mou předchozí knihu cele orientovanou na ruskou literaturu, zejména prózu.[1] V rámci výzkumu pracoviště – Ústavu slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity – má syntetizující a instruktivní ráz, současně však poukazuje na „skuliny" v dosavadním bádání a na méně obvyklé metodologické průhledy, často detaily a překvapující spojitosti související také s autorovou koncepcí tzv. prae-post efektu jako modelu vývoje ruské literatury a zčásti i jiných slovanských literatur.

Když pominu činnost editorskou a koeditorskou (šéfredaktor a předseda a člen redakčních rad desítek odborných časopisů ze sedmi zemí, editor a koeditor mimo jiné série Litteraria humanitas, Brněnské texty k slovakistice – zatím 21 svazků, Brněnské studie z filologicko-areálových studií, Slavica Universitatis Masarykianae / Slavica na Masarykově univerzitě a festchriftů, sborníků a nových edic, mj. Karla Krejčího, Zdeňka Mathausera, Franka Wollmana) jako rusista jsem se ve svých více než 45 knihách, z nichž jen několik bylo vytvořeno ve spoluautorství (slovníky, společné publikace, mj. *Slovník slovanských spisovatelů*, SPN, Praha 1984, red. I. Dorovský, spoluautoři: M. Mikulášek, I. Dorovský, J. Pelikán, *Slovník světových literárních děl I–II*, Odeon, Praha 1988, red. Vladimír Macura, 2. vyd. 1989, *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů*, LIBRI, Praha 2001, editor, spoluautor a autor dvou úvodních textů a spoluautor jednoho, *Slovník epoch, směrů, skupin a manifestů*, spolu s J. Pavelkou, *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky.* Masarykova univezita, Brno 1996, spoluautor Miloš Zelenka, *Světové literatury 20. století v kostce*, LIBRI, Praha 1999, editor – koeditor a spoluautor jubilejní publikace *Východiska a perspektivy.* Eds: Ivo Pospíšil, Lenka Paučová. Masarykova univerzita, Brno 2019 aj.) napsaných česky, rusky a anglicky, kromě studií v 10 jazycích vydaných ve 4 zemích, zabýval především rusistikou a ruskou literaturou, nehledě na knihy, v nichž jsem se primárně věnoval slovanským literaturám obecně, teorii literatury, dějinám slavistiky, literárněvědné metodologii, střední Evropě a areálovým/filologicko-areálovým studiím, literární komparatistice a genologii

[1] I. Pospíšil: *Pátrání po nové identitě. Rusistické a vztahové reflexe.* SvN Regiony, Středoevropské centrum slovanských studií, Brno 2008.

apod.[2] Lze říci, že vlastně všechny knihy a studie, které jsem napsal, měly nějaký vztah k rusistice.[3]

[2] *Výběrová bibliografie. Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.* Linie, Brno 2002. *Výběrová bibliografie 1972–2012. Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.* Vydává Ústav slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou asociací slavistů. Red.: Mgr. Josef Šaur, TRIBUN EU, Brno 2012.

[3] Ze svých knižních publikací uvádím: *Ruská románová kronika (Příspěvek k historii a teorii žánru).* UJEP, Brno 1983. *Labyrint kroniky. Pokus o teoretické vymezení žánru.* Blok, Brno 1986. *Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století. Studie – Texty.* SPN, Praha 1988. *Proti proudu (Studie o N. S. Leskovovi).* Sprint Print, Brno 1992. *Rozpětí žánru.* Sprint Print, Brno 1992. *Od Bachtina k Solženicynovi. Srovnávací studie.* Albert, Brno 1992. *Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal.* Albert, Brno 1993. *Slovník epoch, směrů, skupin a manifestů* (Spoluautor: Jiří Pavelka). Brno 1993. *Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století.* Masarykova univerzita, Brno 1995. *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky* (spoluautor: Miloš Zelenka). Masarykova univerzita, Brno 1996. *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století.* Masarykova univerzita, Brno 1998. *Genologie a proměny literatury.* Masarykova univerzita, Brno 1998. *Spálená křídla. Malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století.* Masarykova univerzita, Brno 1998. *Na výspě Evropy. Skici a meditace k 200. výročí narození A. S. Puškina.* Masarykova univerzita, Brno 1999. *Až se vyčasí. Úvahy – kritiky – glosy – eseje.* Nadace Universitas Masarykiana, Nakladatelství a vydavatelství Nauma, edice Heureka, Brno 2002. *Slavistika na křižovatce.* Středoevropské vydavatelství a nakladatelství REGIONY, Edice Pulsy, Masarykova univerzita Brno 2003. *Slavistika jako české rodinné stříbro. Tradice, současný stav, výhledy návrhy a koncepce.* Studie Národohospodářského ústavu Josefa Hlávky, Studie 6/2004, Praha 2004. *Studie o literárních směrech a žánrech.* Katedra slovanských jazykov, Filologická fakulta, Univerzita Mateja Bela, Banská Bystrica 2004. *Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti.* Ed.: Jaroslav Malina, obálka, grafická a typografická úprava Josef Zeman – Tomáš Mořkovský, Martin Čuta, ilustrace Boris Jirků. Nadace Universitas, Edice Scientia Akademické nakladatelství CERM v Brně, Nakladatelství a vydavatelství NAUMA v Brně, Brno 2005. *Střední Evropa a Slované (Problémy a osobnosti).* Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2006. *Proměny jazyka a literatury v současných ruských textech* (spoluautor Jiří Gazda). Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Masarykova univerzita, Brno 2007. *Josef Jirásek jako rusista, slovakista a umělec slova* (spoluautor: Vladimír Franta). Seminář filologicko-areálových studií, Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, ediční série: Brněnské texty z filologicko-areálových studií, sv. 2, editor série: Ivo Pospíšil. Autor části Souvislosti brněnské rusistiky a Josef Jirásek, s. 6–32, Josef Jirásek jako rusista, s. 33–67, a Josef Jirásek jako slovakista, s. 68–90. Edice knihovnicka.cz, Tribun EU, Brno 2009. *Srovnávací studie (Komparatistika, slavistika, rusistika a česko-slovenské souvislosti).* UCM, Trnava 2008. *Základní okruhy filologické a literárněvědné metodologie a teorie (elementy, materiály, úvahy, pojetí, texty).* Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Filozofická fakulta, Trnava 2010. *Jindřich Zogata – básník vzdorných cest.* Česká asociace slavistů, Tribun EU, Brno 2011. *Literatura v souvislostech. Několik příběhů o tom, jak také číst literaturu z širšího pohledu.* Nakladatelství Vlastimil Johanus, České Budějovice 2011. *K teorii ruské literatury a jejím souvislostem.* Spisy Masarykovy univerzity v Brně, Filozofická fakulta, č. 413, Masarykova univerzita, Brno 2013. *Areál a filologická studia.* Masarykova univerzita, Brno 2013. *Literární genologie.* Masarykova univerzita, Brno 2014 *Literární věda a teritoriální studia.* Fakulta stredoeurópskych štúdií, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2014. *Kapitoly z ruské klasické literatury (Nástin vývoje,*

Síť textů směřuje od pojetí ruské literatury v dílech dvou zakladatelů slavistiky, zejména literárněhistorické, přes Karamzinovo budování novoruské literatury k podílu „cizinců“ na utváření ruského písemnictví klasického i moderního, jež se týkají jak koryfejů ruské klasiky, jako jsou A. S. Gribojedov, F. M. Dostojevskij, M. Gorkij nebo i dlouho pozapomínaný N. S. Leskov, tak českých pohledů na novější literaturu druhé poloviny 20. století (V. Rasputin, J. Vodolazkin) nebo na působení Rusů či obecněji východních Slovanů v meziválečném Československu (Alfred Bem, Valerij Vilinskij, syn smluvního profesora Masarykovy univerzity Sergije Vilinského) a průhledů na dobu, jež byla ne zcela přesně nazvána „obdobím stagnace“ („period zastoja“), neboť i tu se objevovaly zajímavé diskuse s hodnotovými posuny, které často měly na další ruský vývoj klíčový vliv. A potom specifikum české literárněvědné rusistiky (Malá reflexe… Jaroslav Burian), včetně Wollmanovy polemiky s Poláky o panslavismu, což v českém případě bývá často – a nesprávně – spojováno jen s Janem Kollárem. A poté problém terminologie aplikovaný právě na ruskou literaturu a pojednání o univerzalitě ruské literatury a také literární vědy ve spojitostí s její českou recepcí v 19.–21. století, včetně různých kontroverzí, jež svazek uzavírá.

Jestliže se česko-ruské vztahy dnes znovu dostávají do epicentra pozornosti – a jde většinou o věci žhavě aktuální a politické povahy, jež nejsou dostatečně rozkryty a poznány – mělo by to být i skromnou výzvou pro českou rusistiku k hlubinnému zkoumání tzv. ruského fenoménu obecně v srovnávacích souvislostech a dalších průnicích genologických, tematologických, ideologických, sociologických, antropologických a filozofických, tedy rámcově areálových. A také by mělo vést k poznání minulosti, jež může být využito i v pohledech na současnost a jež by mělo trvalejší charakter než dojmové a emocionálně laděné exkurzy. Berme tento svazek jako pokus přispět, byť jen malou měrou, k takovému pohledu a poznání.

klíčové problémy a diskuse). Masarykova univerzita, Brno 2014. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století (Přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století).* Masarykova univerzita, Brno 2014. *Když se nevyčasí aneb Stmívání.* Jan Sojnek – Galium, Brno 2015. *Central Europe: Substance and Concepts.* Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, Nitra 2015. *На форпостах теории и истории классической русской литературы.* Colloquia Litteraria Sedlcensia XX, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, Siedlce 2015. *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа.* Colloquia Litteraria Sedlcensia XXI, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo Humanistycznego w Siedlcach, Siedlce 2015. *Slovakistické reflexe.* Česká asociace slavistů, Brno 2017. Jan Sojnek – Galium, Brno 2017.

П. Й. Шафарик, А. Мицкевич и концепция русской литературы: у колыбели литературоведческой славистики

Литературоведческая славистика как составная часть славистики или, точнее говоря, славянской филологии, стала развиваться в произведениях славистов эпохи просветительского рационализма и классицизма к концу 18 века. У колыбели славянской филологии стояли ученые разных наций, в том числе и чех, пишущий по-немецки и по-латински, Йосеф Добровский (1753–1829).[1] Особым продолжением его усилий на поприще лингвистики, в особенности лексикографии, и изучения старой и современной ему чешской литературы (*Geschichte der böhmischne Sprache und Literatur*, 1791, 1792, известные сборники, например, *Böhmische Litteratur auf das Jahr* 1779) и основ грамматики старославянского языка (*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*, 1822), основополагающего произведения славистики наряду с творчеством балтийского немца и российского филолога Александра Христофоровича Востокова (Alexander Woldemar Osteneck, 1781–1864), были исследования этнического словака, пишущего по-чешски и по-немецки, Павла Йосефа Шафарика (Pavel Josef Šafařík/Šafárik, 1795–1861), в особенности его немецкая монография *Die Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (1826). Вместе с развитием славистики в целом, в особенности ее литературоведческой ветви, можно образовать эволюционную цепь, ведущую от первых опытов истории славянских литератур через Добровского, Шафарика к Мицкевичу, Пыпину, в чешской среде к Махалу и Воллману, в более широком контексте к учителю Ф. Воллмана Матию Мурко. Однако их понимание славянских литератур, их ценностная иерархизация и концепция вклада отдельных славянских литератур в мировую литературу — при всех сходствах — отличаются друг от друга,[2] несмотря на сомнения в обоснованности самого понятия

[1] См. *Josef Dobrovský a Morava.* Eds: Ivo Barteček a Miloslav Pospíchal. Katedra historie Filozofické fakulty, knižnice VERBUM, sv. 17, Olomouc 2006. I. Pospíšil, *Potíže s Josefem Dobrovským a jak mu porozumět* (Josef Dobrovský a Morava. Eds: Ivo Barteček a Miloslav Pospíchal. Katedra historie Filozofické fakulty, knižnice VERBUM, sv. 17, Olomouc 2006. Opera Slavica 2007, 3, c. 63–64. Slavica litteraria 15, 2012, 2. Česká slavistika 2012–2013. *Josef Dobrovský a problémy současné slavistiky.* Eds: Marie Sobotková, Jiří Fiala, Ivo Pospíšil a Giuseppe Maiello. Brno 2012.

[2] См. А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович / W. Spasowicz, *История славянских литератур I–II.* 2-е издание, Изд. Типографии М. М. Стасюлевича, Санкт-Петербург 1879–1881. J. Máchal,

славянские литературы.[3] Интересна сама обстановка всеобщего филологического подхода, в котором литература тесно связана с языком и его развитием, взаимодействие языка и литературы, т. е. язык как материал литературы, и литература как решающий фактор перманентного развития языка. Об этом позже немного забыли, когда лингвистика и литературоведение — в особенности в 20 веке — развивались особыми путями, отдаляясь друг от друга, главным образом, под влиянием односторонне понимаемых синхронных, функциональных подходов. Следовательно, понятны нынешние попытки возобновить до определенной степени на

Slovanské literatury I–III. Matice česká: Fr. Řivnáč, Praha 1922–1929. I. Pospíšil, *Литература славян Франка Воллмана и русская литература (Размышления по поводу нового чешского издания известной книги).* В: *Универсалии русской литературы 4.* «Научная книга», Воронеж 2012, с. 185–196. F. Wollman, *Die Literatur der Slawen.* Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. F. Wollman, *Slovesnost Slovanů.* Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Středoevropským centrem slovanských studií a Slavistickou společností Franka Wollmana. Red.: Eva Niklesová, redakční spolupráce: Natália Čuveleva. 2-е изд. (1-е изд. 1928). TRIBUN EU, Brno 2012. I. Pospíšil – M. Zelenka, *Mitteleuropa als Knotenpunkt der Methodologien. Frank Wollmans Slovesnost Slovanů – Traditionen und Zusammenhänge.* Aus dem Tschechischen übersetzt von Reinhard Ibler. B: F. Wollman: *Die Literatur der Slawen.* Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003, c. 7–30. I. Pospíšil, *Sieben Bemerkungen zu Frank Wollmans Slovesnost Slovanů.* B: F. Wollman, *Die Literatur der Slawen.* Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. I. Pospíšil – M. Zelenka: *Střední Evropa jako křižovatka metodologií: Slovesnost Slovanů Franka Wollmana – tradice a souvislosti (Nad druhým českým vydáním).* B: F. Wollman: *Slovesnost Slovanů.* TRIBUN EU, Brno 2012, c. 23–68. I. Pospíšil, *Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přesahy.* Slavica litteraria, X 9, 2006, c. 85–93. F. Wollman, *Slovesnost Slovanů.* Praha 1928. F. Wollman, *Dramatika slovanského jihu.* Praha 1930. I. Pospíšil, *Il centrismo interletterario mediterraneo e la letteratura russa.* B: Il Mediterraneo. Una rete interletteraria. La Méditerranée. Un réseau interlittéraire. Stredomorie medziliterárna sieť. A cura di Dionýz Ďurišin e Armando Gnisci. Università degli studi di Roma "La Sapienza", Studi (e testi) italiani. Collana del Dipartimento di italianistica e spettacolo, Bulzoni Editore, Roma 2000, c. 101–109. I. Pospíšil, *El centrismo interliterario mediterráneo y la literatura russa.* B: *Literatura europea comparada. Compilación de textos César Domínguez.* Arco/Libros, Madrid 2013, c. 313–322.

[3] См. полемики Ф. Воллмана, в особенности с польскими славистами — И. Поспишил, *Франк Воллман и его полемики о панславизме.* В: *Panslawizm wczoraj, dziś, jutro.* Red. Zofia Chyra-Rolicz i Tomasz Rokosz. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Wydział Humanistyczny, Instytut Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa, Instytut Filologii Polskiej i Lingvistyki Stosowanej, Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych, Siedlce 2016, c. 147–160.

новой методологической основе филологическое единство или же, по крайней мере, более тесную связь обеих дисциплин.[4]

Польский поэт белорусского происхождения, уроженец Литовской губернии, Адам Мицкевич (1798–1855), является не только одним из самых известных европейских романтиков, но и своего рода основателем литературоведческой славистики. Связь его позже изданных лекций по славянам и славянским литературам в Collège de France с текстом П. Й. Шафарика лишь изредка становится предметом серьезных обсуждений, хотя я раз присутствовал на одной брненской конференции при полемике двух профессоров, слависта и полониста, профессора Фрейбургского университета Антонина Мештяна (1930–2004)[5] и профессора Университета им. Масарика Крыстыны Кардыни-Пеликановой[6], польской и чешской славистки и полонистки, уроженки Лодзи (1930), которая защищала полную независимость лекций Мицкевича от *Истории* Шафарика; Антонин Мештян, напротив, подчеркивал более тесную связь, вдохновляющее значение Шафарика для работ Мицкевича.

Творчество П. Й. Шафарика всегда связывается с синтетическими работами его последователей: *Slovanské literatury I–III / Славянские литературы I–III* (1922–1929) Яна Махала и *Slovesnost Slovanů / Словесность славян* (1928) Франка Воллмана. Монография *Die Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* перепечатана в конце 20 века;[7]

[4] См. организованный мною блок статей в словацком журнале Philologia: *Nová filológia: pokusy o oživenie filologickej jednoty.* Zostavovateľ tematického bloku prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Ústav slavistiky FF MU, Brno). В: Philologia XXVI/2, časopis Ústavu filologických štúdií Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě, Univerzita Komenského v Bratislavě, 2016, s. 7–123. См. также I. Pospíšil, *Filologie jako zakletí i svoboda: pokusy o novou filologii.* Philologia XXVI/2, časopis Ústavu filologických štúdií Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě, Univerzita Komenského v Bratislavě, 2016, c. 7–15.

[5] См. его книги: *Česká literatura 1785–1985.* Sixty-Eight Publishers, Toronto 1987. *Česká literatura mezi Němci a Slovany.* Academia, Praha 2002.

[6] См. ее книги последнего времени, например, *Czesko-polskie spotkania literackie: komparatystyka – genologia – przekład.* Masarykova univerzita, Brno 2000. *Pokłosie komparatysty: studia o polskiej i czeskiej literaturze.* Masarykova univerzita, Brno 2007. *„Čechy krásné, Čechy mé...“: czeska i polska literatura we wzajemnych intrerakcjach.* Masarykova univerzita, Brno 2017.

[7] См. разные издания: Paul Joseph Schaffarik, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen, Mit kön. ung. Universitäts-Schriften, Buda 1826. Pavel Jozef Šafárik, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Prof. Dr. Jan Petr, CSc., Prag. VEB Domowina-Verlag, Bautzen 1983. Nach einem Exemplar der Sächsischen Landesbibliothek Dresden, das uns freundlicherweise für den Neudruck zur Verfügung gestellt wurde. Das Vorwort wurde aus dem Tschechischen übersetzt von Paul Völkel.

важен, однако, и словацкий перевод и издание *Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí z roku 1963.*[8] Значение *Истории* Шафарика подчеркивают и имена исследователей, которые занимались его личностью и, в особенности, его ключевым произведением; его имя сильно прозвучало в чешском издании тревожного 1939 года *Что наши земли дали Европе и человечеству*, но писали о нем Йиржи Горак, Константин Йиречек, Милан Куделка, Мирослав Квапил, английский богемист и словакист Роберт Пынсент, Имрих Седлак, Франтишек Вшетичка, Франк Воллман и Ян Петр; сравнительно недавно Ян Кошка.[9]

Шафарик учился в немецко-венгерской гимназии в городах Рожнява и Добшине, в 1810–1815 гг. посещал протестантский лицей в г. Кежмарок, тогда он написал свое первое поэтическое произведение *Tatranská múza s lýrou slovanskou* (1814). В Германии в городе Йена занимался лингвистикой, философией, эстетикой и стал доктором философии. Ключевым событием является его встреча с Франтишеком Палацким, с которым они создают известную защиту метрического стиха в чешском стихосложении. В 1819 Шафарик стал профессором, а позже и директором православной гимназии в г. Нови Сад (Neusatz) на территории тогдашней Австро-Венгрии, в 20-е годы 19 века издает журнал *Сербски летопис* и принимает участие в основании Матицы сербской. Именно здесь он пишет свою знаменитую книгу *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (1826), основополагающее произведение славянской литературной компаративистики, которое тесными узами связано с лекциями Адама Мицкевича в Collège de France. Уже упомянутый А. Мештян признавал приоритет Шафарика, ограниченный, однако, немецким языком, т. е. пространством Центральной Европы, и мировое значение лекций Мицкевича, прочитанных и позже изданных по-французски. Именно *Geschichte* стало шедевром Шафарика-слависта, над книгой он работал почти всю жизнь, непрестанно дополняя и правя ее: посмертно издалась лишь часть — *Geschichte der südslawischen Literatur* (1864). Сербию Шафарик в конце концов вынужденно оставляет по конфессиональным причинам (его пост занял православный).

[8] Pavel Jozef Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí.* Vydavateľstvo SAV, Bratislava 1963. Vedecký redaktor Karol Rosenbaum, recenzenti Andrej Mráz, Oldřich Králík. Z nemeckého originálu Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Budín 1826, preložili, edične pripravili a poznámky napísali Valéria Betáková a Rudolf Beták. Úvodnú štúdiu napísal Karol Rosenbaum.

[9] J. Koška, *Recepcia ako tvorba. Slovensko-bulharské literárne vzťahy (1826–1989).* Veda, Ústav svetovej literatúry SAV, Bratislava 2003. См нашу рецензию: *Recepce je kreace [Ján Koška: Recepcia ako tvorba. Slovensko-bulharské literárne vzťahy (1826–1989).* Veda, Ústav svetovej literatúry SAV, Bratislava 2003, 190 c.]. Alternativa Plus, roč. VIII., 2004, 1–2, c. 127–130.

И, не приняв предложение работы в Прессбурге/Братиславе, он переезжает в Прагу. Его жизнь в чешской среде достаточно известна, а также его книги (*Slovanské starožitnosti*, 1837, *Památky dřevního písemnictví u Jihoslovanů*, 1851, *Památky hlaholského písemnictví*, 1853, *Über den Ursprung und die Heimat ders Glagolitismus*, 1858, *Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache*, 1840, наряду с Ф. Палацким), всеобще известны его контакты с Михаилом Погодиным, Вацлавом Ганкой, Вацлавом Мацейовским (Wacław Macejowski), его знакомство с Н. В. Гоголем в Мариенбаде.

Его основное произведение, которое стало началом традиции славянского сравнительного литературоведения было издано как составная часть императорско-королевских сочинений в метрополии Венгрии Буда (т. е. оно носило предельно официальный характер) под именем *Paul Joseph Schaffarik, doctor der Philosophie, professor am Gymnasium in Neusatz, der Philologischen Gesellschaft in Jena Mitglied.*[10]

В основном Шафарик продолжает концепцию Й. Добровского, главным образом в смысле ареального подхода, т. е. комплексно-территориального понимания славянской филологии. Во введении (Einleitung) можно найти пространственно закрепленное изложение о происхождении славян (Abstammung, Wohnsitze u. Thaten der alten Slawen, Religion und Sitten, Cultur u. Sprache der alten Slawen, Slawischer Volksstamm im dritten Jahrzehnt des XIX Jahrhundert. Character und Cultur der Slawen im Allgemeinen, Schicksale und Zustand der slawischen Literatur im Allgemeinen. Uebersicht einiger Beförderungsmittel der Literatur unter den Slawen). Это, прежде всего, общее понимание славян и славистики, историко-культурный фундамент, детерминирующий следующие пассажи текста.

Первый раздел (Erster Theil) открывается главой Südöstliche Slawen: мотивировка, кажется, связана с предполагаемым происхождением первого и последнего общего славянского литературного языка — старославянского. Первая глава отводится именно старославянскому языку и литературе, второй раздел посвящен русской речи и литературе, что кажется вполне логичным, именно по отношению к генезису литературного русского языка. Понятием «русский» Шафарик объединяет ареал великорусский, малорусский и белорусский, и с языковой точки зрения он пишет о «russische

[10] См. нашу статью: *Pavel Josef Šafárik jako slavista.* Universitas Šafarikiana, Košice 2004/2005, roč. XXXIV, 7–8, с. 3–4. Также см. нашу рецензию юбилейного сборника: *P. J. Šafařík a slavistika (P. J. Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie a dokumentov z osláv 200. výročia narodenia P. J. Šafárika.* Filozofická fakulta UPJŠ Prešov, Matica slovenská, Martin 1996, ved. red. Pavol Petrus, výkonní red.: Ladislav Bartko, Július Zimmermann, 547 s.). Opera Slavica 1997, VII, 3, с. 67–68.

oder grossrussische, kleinrussische a weissrussische Mundart». Литература рассматривается в качестве компактного слоя явлений, однако их в средневековье слишком мало, так как, как известно, вся древняя литература восточных славян обнаруживается и интерпретируется постепенно лишь на протяжении 19 века и становится связанной в одно поэтологическое системное целое лишь в 20 веке, т. е. все, собственно говоря, начинается с Петра Великого, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина[11] и кульминирует в литературе времен царствования Александра Первого. Потом следует изложение материала о языке и литературе славяносербов греческого обряда, то же самое у католических славяносербов и хорватов, следующий раздел касается виндов, т. е. словенцев. Второй том (zweiter Theil) посвящается северо-западным славянам (nordwestliche Slawen), т. е. полякам, чехам, словакам и лужицким сербам обеих частей Лужицы (Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur, Geschichte der Sprache und Literatur der Slowaken, Geschichte der polnischen Sprache und Literatur a Geschichte der Sprache und Literatur der Sorben oder Wenden in den Lausitzen).

У Шафарика начинаются формироваться и пропорции, и ценностная иерархия сравнительного изучения славянских литератур. Он подчеркивает значение чешской литературы, потом польской, главным образом

[11] См. наши статьи и рецензии: *Dvorní historiograf na přelomu epoch (N. M. Karamzin).* Kmen 1983, 24, c. VIII. *Život protopopa Avvakuma a Karamzinovy Dopisy ruského cestovatele jako uzlové body ve vývoji ruského románu.* В: *Litteraria humanitas V – Západ a Východ II, Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa).* Masarykova univerzita, Brno 1998, c. 85–109. *Výročí N. M. Karamzina: Je jeho odkaz důležitý jen pro Rusko?* Proudy 2016, 1. <http://www.phil.muni.cz/journal/proudy/informace/vyroci/2016/1/pospisil_vyroci_n_m_karamzina.php#articleBegin>. *Užitečná knížka ke Karamzinovu výročí (Н. М. Карамзин. В зеркале мемуаристики. Составитель: Любовь Александровна Сапченко. Ульяновский гос. пед. университет им. И. Н. Ульянова, Ульяновск 2014.).* Novaja rusistika 2016, 2 (IX), s. 179–182. *Перешагнуть порог эпох. Николай М. Карамзин и его позиция зачинателя. In: Николай Карамзин в диалоге эпох и культур.* Ред. Tatsiana Autukhovich. Colloquia Litteraria Sedlcensia, Studia Minora, volumen X, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Wydawnictwo IKR[i]BL, Siedlce 2017, c. 9–15. *Творческие импульсы Николая Михайловича Карамзина в области малой прозы и публицистики.* Novaja rusistika 2017, 2, c. 51–60. *Karamzin jako Rus a Evropan: podstatné je v detailu a na okraji* (Nikolaj Karamzin v dialoge epoch i kuľtur. Colloquia Litteraria Sedlcensia, Studia Minora, volumen X, redakcja Andrzej Borkowski, Joanna Siepietowska, kolegium redakcyjne: Tatsiana Autukhovich, Roman Mnich, Adriana Pogioda-Kołodziejak, Nikolaj Rymar, Danuta Szymonik. Red. monografii Tatsiana Autukhovich. Siedlce: Instytut Neofilologii i Badań Interdyscylinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Wydawnictwo IKR[i]B, 2017. Slavica litteraria 2017, 2, c. 125–127.

в связи с их средневековым, готическим происхождением — казалось, что у восточных славян литературы в средневековье мало и с художественной точки зрения она малозначительна. Аксиологическая ось значения славянских литератур по Шафарику начала 20 гг. 19 века ведет от северо-запада к югу, т. е. с временной перспективы от готической, главным образом, чешской литературы к позднему ренессансу и барокко польскому и далматскому.

Его концепция великорусской/русской литературы исходит из историко-этнографического очерка (с. 134 и далее), характеризует русский язык, составной частью которого он считает и будущие украинский и белорусский. Между тем как чешский, русский, польский и некоторые другие Шафарик считает диалектами единой славянской речи, но, практически, они воспринимаются как самостоятельные языки, то на территории восточных славян существует русский литературный язык, т. е. его подобие, понимаемое на всей восточнославянской территории, с фундаментом старославянской грамматики и лексики с разными устными диалектами. Шафарик говорит об эпохах развития русской литературы. Таким образом он формулирует введение в периодизацию русского геополитического пространства: «Nach einem vergeblichen Versuch, die Einfälle der schlauen und unternehmenden Waräger zurückzuschlagen, und nach entstandenem Streit um die Oberherrschaft unter sich, wählten die Nowgoroder Slawen den Waräger Rurik im Jahre 862 zu ihrem Oberhaupte, der nun die Herrschaft über den ersten slawisch-russichen Staat übernahm.»[12] Первый период от Рюрика по Владимира, т. е. скорее предыстория письменности, так как настоящим началом является эпоха христианизации Киевской Руси и после, т. е. 989–1462. Период между 1462–1689 по начало царствования Петра Первого, ценностным ядром является, разумеется, 18 век, эпоха М. В. Ломоносова и далее самый современный с точки зрения автора период александровский, т. е. первая треть 19 века, время, которое ознаменовал Н. М. Карамзин своим художественным и историографическим творчеством: «Die Regirungszeit Alexanders, durch glänzende Besiegung des Feindes der Ruhe von Europa im Auslande verherrlicht, macht im Innern des Landes eine neue Epoche der Nationalcultur. Ks. Alexander I. sah gleich im Anfange seiner Regirung die Aufklärung der Nation für den wichtigsten Theil der Wolfahrt des Reichs an…»[13]

[12] Paul Joseph Schaffarik, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen, Mit kön. ung. Universitäts-Schriften, Buda 1826, c. 134.

[13] Там же, с. 174.

Структура произведения Шафарика следует определенному образцу, так как это комлексный образ развития и современного состояния славянства с описания их быта, религии, языка по культуру и культурные институции, включая библиотеки, академии и ученые общества, музеи, журналы и газеты, типографии. (Uebersicht einiger Beförderungfsmittel der Literatur unter den Slawen).

Сравнивать лекции Адама Мицкевича и основополагающее произведение П. Й. Шафарика трудно, так как обе истории охватывают разные времена, т. е. выгода Мицкевича состоит в том, что он мог заниматься первой могучей волной русского зрелого романтизма, его двумя поколениями и их шедеврами.[14] По сравнению с Шафариком его подход к русской литературе гораздо детальнее, что дано, кажется, и тесной связью Польского королевства с Варшавой и Лодзью с Россией, составной частью которой оно стало. Русско-польские отношения стали враждебными не сразу, были столкновения и конфликты, разные интересы, но после разложения Польши и ее тройного деления под конец 18 века, когда царем стал Александр Первый, что связано с его личным отношением к польской аристократии, в Польше появились славяно-мессианистские концепции, о которых мы совсем недавно писали в связи с панславизмом.[15]

У Шафарика аксиологические пропорции меняются в 19 веке в пользу новой русской литературы, польская оказалась немного позади, на переднем плане остается, однако, и чешская литература наряду со словацкой, сочиненной, главным образом, на чешском языке в разной степени словакизированном.[16] У Мицкевича явно доминирует русская и польская литературы.

Мицкевич, в отличие от Шафарика, ориентируется не только на литературу, контекстуальные исторические обзоры и этнографические наблюдения как особый фон филологического труда. Его лекции охватывают широкий круг проблем от истории, экономики, культуры, правового сознания, философии, мессианизма и народной мифологии. Таким образом он представляет свои лекции в известном предисловии: «Privé le plus de

[14] Marian Szyjkowski: *Polská účast v českém národním obrození.* Nákladem Slovanského ústavu, Orbis, Praha 1931, II., díl 1935, III. díl 1946.

[15] См. И. Поспишил, *Франк Воллман и его полемики о панславизме.* В: *Panslawizm wczoraj, dziś, jutro.* Red. Zofia Chyra-Rolicz i Tomasz Rokosz. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Wydział Humanistyczny, Instytut Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa, Instytut Filologii Polskiej i Lingvistyki Stosowanej, Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych, Siedlce 2016, c. 147–160.

[16] А. С. Мыльников, *Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист.* Москва 1963.

documents historiques à consulter, je dus commencer avec mes seules resources, avec mes souvenirs. Ce que j'avais senti et observé pendant mon séjoiur dans les divers pays slave; ce que j'avais retenu de mes anciennes études sur leur histoire et leur littérature; ce qui surtout était entré en moi de l'esprit qui anime actuellement des peuples…»[17]

С этой точки зрения Шафарик является лишь филологом ареальной ориентации, связывающим воедино язык и литературу с общественным фоном. Мицкевич — славист в более широком значении, для которого славистика — это все, связанное с духовной креацией славян.

Оба автора отличаются друг от друга не только широтой охвата проблем, но и методикой и методологией изложения. Их компаративистика также разная. У Мицкевича зачастую преобладают жанровые категории, в рамках которых он излагает и интерпретирует разные славянские феномены, отдельных славянских поэтов, драматургов и т. д.

Объем материала, способность концептуализации литературы посредством понятий, связанных с категориями развития, генезиса, творческого процесса, анализа и интерпретации и способность теоретического и эволюционного, исторического осмысления говорят в пользу Мицкевича и его парижских лекций.[18] С другой стороны, Шафарик сосредоточивается на явлениях, которые можно по-настоящему назвать литературным бытом. Он системно связывает общественное положение литераторов в 18–19 вв. с литературным этикетом и рефлексией реальности. Это касается именно русской литературы, в которой он ищет причины ее подъема и расцвета с 18 века.

Мицкевич сосредоточивает внимание на отдельных явлениях русской литературы со средневековья по современность, в особенности на *Слово о полку Игореве* и летописи. По мере приближения к 19 веку все больше места занимают польская и русская литературы.

Интересно то, что парижские лекции Мицкевича для польских читателей лишь редко связываются с *Gechichte* Шафарика. Это может иметь разные причины, но одна из них, по нашему мнению, заключается не только в выборе языка, значение которого ограничено ареалом Центральной Европы, но и в методологической концепции в целом. Шафарик хочет показать, целиком в духе деятелей славянского возрождения, что у славян

[17] *Les Slaves. Cours professsé au Collège de France par Adam Mickiewicz (1840–1841) et publié d'après les notes sténographiées.* Tome premier. Les pays slaves et la Pologne. Histoire et Littérature. Paris, au Comptoir des imprimeurs-Uni, Paris 1849, c. II.

[18] См. Michał Kuziak, *Mickiewicz – historyk literatury v prelekcjach paryskich.* „Pamiętnik Literacki" 2011, 1, c. 27–46. Там и избранная литература предмета.

было богатое прошлое, что их литература, по крайней мере у некоторых, стояла на европейском уровне, что создает благоприятные предпосылки для их возобновления. Что-то вроде славянской реабилитации, т. е. скромная, подчиненная позиция бедного родственника богатых европейцев была неприемлема для польского романтика, философа и политического деятеля, представителя, если даже не политической, то по крайней мере великой культурной державы, величие которой связано с эпохой ренессанса и барокко во главе славянских литератур, позже рядом с русской, которая постепенно ослабляла ее значение, именно в 19 веке с «экзотическим» фоном славянского Юга; славяне, их значение и могущество стало для польского поэта орудием пробивания польских и общеславянских интересов в тогдашней мировой политике. Недаром это эксплицитно читается в разных введениях к публикации его парижских лекций. Мицкевич именно в 18 и 19 вв. обнаруживает эволюционную русско-польскую цепь, пару литератур, которые естественно развиваются бок о бок, занимая в славянском мире 19 века доминантное положение. О чешской литературе с 17 века Мицкевич судит критически, разделяя протестантское мнение об одностороннем упадке чешской литературы эпохи барокко. Это, разумеется, было общим мнением и в эпоху романтизма, хотя именно романтизм почерпнул из поэтики барокко самые существенные пласты. Характерно то, что Шафарик, хотя его произведение было опубликовано в 20-е гг. 19 века, постиг еще сентиментализм, преромантические веяния и начало русского романтизма. Мицкевич, хотя его лекции связаны с началом 40-х гг. 19 века, описывает литературу вплоть по кульминацию романтизма — славянский реализм был тогда лишь в ранней стадии, в России он был представлен сборниками натуральной школы, но это было еще немного позже, если не учитывать гоголевское творчество 30-х гг. и позже «поэму» 1842 г. В эти годы реализм развивался лишь во Франции, полностью даже не в других странах западной Европы.

Ядром его работ является романтизм и романтические славянские поэты, в особенности польские и русские. Ключевую личность представляет для него А. С. Пушкин. У поэтов-романтиков он ищет кровную связь с творчеством и идеологией Байрона (в русском переводе):

«Tym, co podniosło, co ułatwiło rozwój poetów slowiańskich i co w ogóle może uczynić jaśniejszym ich pojmowanie poezji, jest zawód poetycki lorda Byrona. Lord Byron rozpoczyna epokę nowej poezji; on pierwszy dał ludziom odczuć całą powagę poezji; ujrzano, że należy żyć tak, jak się pisze, że pragnienie, słowo nie wystarczają; ujrzano, jak ten poeta bogaty i wychowany

v kraju arystokratycznym porzuca parlament i ojczyznę, aby służyć sprawie greckiej.»[19]

Последние лекции Мицкевича посвящены мифу и его значению в литературах Запада и Востока, что звучит очень современно и даже модно, хотя тогда это было связано скорее с прочной национальной основой и мессианскими идеями. Мицкевич понимает мир славян именно в воплощении художественной литературы, как эталон европейской мысли и философии, демонстрируя, таким образом, перед западной Европой, что славян необходимо познавать глубоко и последовательно. Мицкевич в отличие от скромного Шафарика показывает — в согласии со своим мессианизмом — славянский мир как ведущую силу, как важный фактор становления и развития мирового духа. Шафарик демонстрирует значение славянских литератур как обновление языка и национального самосознания, Мицкевич, прежде всего, как философский подъем, взлет, который соперничает с вершинами европейской мысли и литературы и искусства.[20] Тяготение к универсализму у польского поэта, как у русских мыслителей, доминантно.

Русская литература как исходный пункт более общих размышлений о славянских литературах в рамках компаративистики, как она явилась как у Шафарика, так и у Мицкевича, нашла свое продолжение в концепциях некоторых славистов конца 19 и 20 вв., в том числе М. Мурко, Ф. Воллмана, Й. Горака и т. д. (см. выше). Повторяется дилемма аксиологической оси славянских литератур, т. е. чешско-южнославянской и польско-русской.[21]

---

[19] A. Mickiewicz, *Dzieła. Tom XI. Literatura słowiańska. Kurs trzeci.* Przełożył Leon Płoszewski. Spółdzielnia wydawnicza, Czytelnik, Warszawa 1955.

[20] I. Pospíšil, *Jiří Horák a obrysy jeho koncepce srovnávacích slovanských literatur.* В: *Slavista Jiří Horák v kontexte literatúry a folklóru I–II.* Eds: Hana Hlôšková – Ivo Pospíšil – Anna Zelenková. Česká asociace slavistů, Katedra etnológie a kultúrnej antropológie FiF UK, Slavistická společnost Franka Wollmana v Brně. Bratislava–Brno 2012, c. 67–77.

[21] См. *Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky.* Sborník studií. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Slavistická společnost Franka Wollmana se sídlem v Brně, Ústav slavistiky FF MU v Brně, Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede ZRC SAZU, Ljubljana. Brno 2005. I. Pospíšil, *Matija Murko a vybrané problémy literární vědy.* В: *Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky. Sborník studií.* Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Ljubljana. Brno 2005, c. 46–53. I. Pospíšil, *Nekaj razmišljanj o filoloških konceptih Matije Murka: trajnost in minljivost.* Primerjalna književnost, letnik 35, št. 3, Ljubljana, december 2012, s. 179–191 (*dr. Darku Dolinarju ob sedemdesetletnici*). *Slavista Jiří Horák v kontexte literatúry a folklóru I–II.* Eds: Hana Hlôšková – Ivo Pospíšil – Anna Zelenková. Česká asociace slavistů, Katedra etnológie a kultúrnej antropológie FiF UK, Slavistická společnost Franka Wollmana v Brně. Bratislava–Brno 2012. I. Pospíšil, *Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přesahy.* В: *Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru I.* Eds: Hana Hlôšková – Anna Zelenková.

Концептуальное отношение Мицкевича к русской литературе было особым, ее знание сравнительно глубокое, проницательное, у Шафарика проявляется, напротив, определенная отдаленность проблематики восточных славян, его рассуждения представляют собой скорее перечисление авторов и их основных произведений в связи с их общественной позицией.

Тем не менее, у Шафарика и Мицкевича русская литература является ведущей в славянском мире, обычно образуя эволюционные пары и кульминации, в том числе русская — польская, русская — чешская, русская — южнославянские. Поиски аксиологической оси продолжаются на протяжении 19 и 20 веков в связи с развитием методологии. Поляризация между филологически-ареальным пониманием (Шафарик) и литературно-художественно-философским (Мицкевич) существует по разным новым причинам до сих пор, подтверждая мысль, что славянские литературы, самый их материал, траектория их развития, их разветвленность, гетерогенность и комплементарность являются перманентным импульсом, который привел славянских и других литературоведов к методологически инновационным, проницательным, даже визионерским концепциям литературы в общем.[22]

Ústav etnológie SAV, Slavistická společnost Franka Wollmana v Brne, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV. Bratislava–Brno 2006, c. 103–112. F. Wollman, *Die Literatur der Slawen.* Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. F. Wollman: Slovesnost Slovanů. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. TRIBUN EU, Brno 2012. A. Měšťan, *Adam Mickiewicz – historik slovanských literatur. K stému výročí úmrtí velkého Poláka a Slovana.* Slovanský přehled 41, č. 9, (1955) c. 325–326. M. Kvapil, *Aspekty periodizačních a terminologických principů slovanských literatur na přelomu 19. a 20. století.* Slavia 59, 2, (1990) c. 157–160. S. Wollman, *Interkurence literárních struktur u západních Slovanů.* Slavia 69, 1, (2000,) c. 27–36. S. Wollman, Slovanské literatury ve střední Evropě. Masarykova univerzita, Brno 2013.

[22] Основные источники: *Les Slaves. Cours professsé au Collège de France par Adam Mickiewicz (1840–1841) et publié d'après les notes sténographiées. Tome premier. Les pays slaves et la Pologne. Histoire et Littérature.* Paris, au Comptoir des imprimeurs-Uni, Paris 1849. A. Mickiewicz, *Dzieła. Tom VIII. Literatura słowiańska.* Kurs pierwszy, półrocze I, przełożył Leon Płoszewski. Spółdzielnia wydawnicza, Czytelnik, Warszawa 1955, tom IX, półrocze II, 1955, tom X, kurs drugi, rok 1841–1842, 1955. tom XI kurs trzeci i czwarty, 1955. Paul Joseph Schaffarik, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen, Mit kön. ung. Universitäts-Schriften, Buda 1826. P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí.* Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, Bratislava 1963, ved. red. Karol Rosenbaum, rec. Andrej Mráz, Oldřich Králík. Prel., edične pripravili a poznámky napísali Valéria Betáková a Rudolf Beták. 2. vyd. Východoslovenské vydavateľstvo, Košice 1992. Pavel Jozef Šafárik, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Prof. Dr. Jan Petr, CSc., Prag. VEB Domowina-Verlag, Bautzen 1983. Nach einem Exemplar der Sächsischen Landesbibliothek Dresden, das uns freundlicherweise für den Neudruck zur Verfügung gestellt wurde. Das Vorwort wurde aus dem Tschechischen übersetzt von Paul Völkel.